

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.16>

Торубарова Татьяна Викторовна

Философия как наука о бытии как сознании (Г. В. Ф. Гегель)

Статья посвящена осмыслению сущности философии как науки об опыте сознания в метафизике Гегеля. В этой связи проблематизируется вопрос о научном статусе философии. Показано, что метафизический опыт Гегеля в его специфике понимания философии как науки является завершением метафизической позиции, связанной с пониманием бытия как сознания. Раскрываются ключевые принципы, определяющие понимание философии как науки об опыте сознания. На основе проведенного анализа показано, что принцип абсолютного знания фундирует проблемный контекст исследований Гегеля в его осмыслении сущности науки и играет ведущую роль в конституировании человека как абсолютного субъекта своих действий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/2/16.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 96-101. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

История философии

History of Philosophy

УДК 1:(091)

Дата поступления рукописи: 14.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.16>

Статья посвящена осмыслению сущности философии как науки об опыте сознания в метафизике Гегеля. В этой связи проблематизируется вопрос о научном статусе философии. Показано, что метафизический опыт Гегеля в его специфике понимания философии как науки является завершением метафизической позиции, связанной с пониманием бытия как сознания. Раскрываются ключевые принципы, определяющие понимание философии как науки об опыте сознания. На основе проведенного анализа показано, что принцип абсолютного знания фундирует проблемный контекст исследований Гегеля в его осмыслении сущности науки и играет ведущую роль в конституировании человека как абсолютного субъекта своих действий.

Ключевые слова и фразы: абсолютное знание; система науки; бытие; метафизика; логика; опыт сознания; свобода; система; субъект; истина; дух.

Торубарова Татьяна Викторовна, д. филос. н., профессор

Курский государственный университет

ttorubarova@rambler.ru

Философия как наука о бытии как сознании (Г. В. Ф. Гегель)

Актуальность. В век господства научно-технического прогресса и цифровых технологий редукция философии к науке становится принципиально важной тенденцией современной интеллектуальной культуры. Все менее поэтическое начало присуще ныне философствованию, от которого требуется соответствие принятым в научном сообществе стандартам, и все большей критике подвергается знаменитый тезис М. Хайдеггера о том, что философия – это вообще не наука [11, с. 31]. Новые формы рациональности диктуют новые правила мышления, формируемые так называемой «технической» рациональностью [6, с. 45].

Вот почему для осмысления ключевых принципов, определяющих понимание философии как науки, важно обратиться к истокам, а именно к традиции немецкой классической философии, где философия и наука имели одну и ту же смысловую значимость, а наука об опыте сознания Гегеля является ее смысловым воплощением и логическим завершением. Система абсолютного знания Гегеля в своих различных вариациях проецируется на современное положение дел, где опыт преодоления всего конечного, включая и собственно человеческую природу, обретает новые перспективы и актуализирует проблемный контекст.

Научная новизна. Несмотря на все разнообразие исследовательского поиска в плане осмысления идей Гегеля, проблемное поле его метафизических размышлений ныне требует новых сюжетных решений в плане несомненной актуализации ключевых принципов его философии. Именно принцип абсолютного знания фундирует проблему понимания философии как науки Гегеля, создавая новые сюжетные перспективы базовых решений и ключевых подходов к актуализации его идей, их новому восприятию и прочтению в контексте современных реалий. Такого рода метафизика во многом и по сей день питает современную научную культуру человека в его стремлении к бесконечному самоутверждению и самореализации.

Вот почему **целью** нашей работы является осмысление сущности философии Гегеля как науки об опыте сознания. В этой связи важно проблематизировать вопрос о статусе философии; показать путь науки как самую науку в контексте относительного и абсолютного знания; понять свободу как условие возможности науки об опыте сознания; выяснить понимание опыта Гегелем и, наконец, выявить место феноменологии в системе философии Гегеля.

Работа базируется на основании единства исторического и логического, позволяющего отразить диалектическую преемственность идей, методов герменевтического и феноменологического анализа и историко-философской реконструкции, позволяющих выявить внутреннюю взаимосвязь и логическую структурированность метафизической системы Гегеля на новейших формах контекстуального анализа, с помощью которого мы смогли осуществить концептуальное обоснование ключевых принципов Гегеля и проанализировать их проекции на современную действительность.

Проблема статуса философии, ее взаимоотношение с наукой издревле становились предметом размышления, и, пожалуй, начиная с Аристотеля, наука как *ἐπιστήμη* завоевывала свою собственную нишу. Но справедливости ради отметим, что наука есть внутрифилософский феномен, и осмыслить его как таковой можно, только реконструируя тот фундаментальный метафизический горизонт, в котором конституировалась исторически определенная форма научного знания. Взаимопонимание философии и науки, определяющее их смысловое единство, осуществляется в рамках метафизической позиции, в которой бытие понимается как сознание позиции, завершаемой метафизической концепцией абсолютного знания Гегеля.

Но почему философия называется наукой, причем не редко до сих пор? В силу традиции мы склонны отвечать обычно так: существующим или даже просто возможным наукам философия обеспечивает основание; то есть она определяет сферу их исследования (например, природы или истории), а также оправдание их процедур. Если философия обеспечивает науки основанием, то она и сама, разумеется, должна быть наукой. Если же философия призвана давать основание практическому, техническому, моральному и иному познанию, то основание всех этих наук должно быть названо тоже научным.

Такого рода понимание философии получило широкое распространение после Р. Декарта и было достаточно ясно развито. Оно стремилось оправдать себя апелляцией к античной философии, которая так же постигала себя как высшее познание. Понятие философии как науки становится преобладающим с XIX столетия. И вплоть до середины XX века это понятие является господствующим, причем отнюдь не на основе каких-то оригинальных импульсов философствования, но скорее в силу туманности собственной задачи философии. Понимание философии как науки представляется как избавление от указанной трудности, поскольку науки уже осваивали все мыслимые и немыслимые сферы реальности. Ничего не оставалось, таким образом, для самой философии, кроме того, чтобы стать наукой всех известных и возможных наук. Мало того, от философии как таковой отделялись различные области знания, которые становились научными дисциплинами. Вот почему задача философии стать наукой наук обретала все более возрастающее доверие. К тому же, казалось, что такая задача подкрепляется авторитетом не только Р. Декарта и И. Канта, но даже Платона и Аристотеля.

Однако, начиная с Э. Гуссерля, концепция сущности философии как науки получает «радикальную форму» [11, с. 28]. Он писал, что восстанавливает наиболее оригинальную идею философии в ее первой формулировке Платоном, которая называет неотчуждаемую задачу философии. Согласно Э. Гуссерлю, «такая хорошо сознаваемая воля к строгой науке характеризует сократовско-платоновский переворот философии» [4, с. 190]. И все же, если руководствоваться тесной связью между философией и отдельными науками, важно выяснить, почему немецкая классическая философия есть наука. Понятно, что опираясь на такого рода подход, невозможно прояснить античное определение сущности философии. Даже апеллируя к мысли Фихте и Шеллинга, для которых традиция философии как науки была «естественным феноменом», тем не менее для них и особенно для Гегеля философия не становится наукой только потому, что она могла бы предлагать окончательное оправдание для всех наук и для любого рода познания. Реальное основание было более радикальным, нежели обоснование познания, а именно: преодоление конечного и достижение бесконечного познания [11, с. 28]. Вот, пожалуй, принципиальный лейтмотив философских устремлений Гегеля.

Задача полагания основания для наук и реализации идеи философии как строгой науки – все это могло иметь место; но не имеет никакого отношения к той специфической проблематике, которая была присуща немецкому идеализму. Ключевая проблема для всей традиции классического немецкого идеализма заключалась в том, как философия разворачивает себя в качестве абсолютного знания. Если бы философия полагала бы основание для отдельных наук, то тогда она не могла бы претендовать на абсолютное знание. А нам, вслед за Гегелем, важно выяснить, какие решения необходимы для разворачивания философии как абсолютного знания. По сей день предпринимаются попытки обосновать философию как исходную и сущностную науку со ссылками на Гегеля, используя его в качестве подтверждения, но это приводит к неизбежной путанице. В предисловии к «Феноменологии духа» мы читаем: «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее. Моим намерением было – способствовать приближению философии к форме науки – к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени *любви к знанию* и быть *действительным знанием*» [3, с. 3]. И когда Гегель утверждает подобные вещи, то само слово «наука» имеет уже всецело иную сферу, а ее понятие – всецело другое значение. Конечно, понятие философии как науки возникает в лоне метафизической позиции, в которой конституировалась античная философия и соответствующая ей научная форма знания, то есть такого подхода, который известен еще со времени Аристотеля как ведущий вопрос философии. В противоположность внутренней интенции к завершению ведущего вопроса философии, который был сформулирован Аристотелем, склонность к полаганию основания для наук и к конституированию таким образом ориентированной философии как строгой науки имеет гораздо меньшее значение. Но ведущая проблематика западной философии задана знаменитым вопросом, сформулированным Аристотелем: «Что такое сущее?» [1, с. 188]. Формирование и разворачивание этого вопроса находится во внутреннем отношении к *λογος* 'у, к *vois* и *ratio*, то есть к мышлению, разуму и познанию. Это не означает, что вопрос о бытии раскрывается и постигается сугубо теоретически. Скорее, тот тезис, согласно которому постижение сущего соотносится с логосом, свидетельствует о фактическом содержании этого вопроса, то есть бытие как таковое понимается из логоса и как логос. Этим тезисом утверждается, что взаимосвязь между бытием (ὄν) и логосом и есть по сути дела ответ на ведущий вопрос философии. Тот ответ, который был подготовлен уже в философии Платона и Аристотеля и который получает завершение именно в философии Гегеля, причем радикальным способом как реальное завершение задачи, имплицитной

еще в античной философии. Обратимся в этой связи к Гадамеру, который отмечает: «...понятие духа... восходит... к метафизике Логоса и Ума (Logos – Nous – Metaphysik) платоновско-аристотелевской традиции... Гегель, тем самым, разрешает для себя задачу нового обоснования греческого Логоса на почве современного, самого себя знающего духа» [13, S. 67-68]. Соответственно, в философии Гегеля бытие как таковое, действительное во всей своей подлинной реальности, есть идея или понятие. Однако понятие включает в себе всю мощь времени, то есть чистое понятие отменяет само время. Другими словами, только тогда проблема бытия, собственно, постигается, когда время получает свое завершение, полное устранение. Через чистое понятие время предназначается для своего окончательного исчезновения. Гегель пишет: «*Время есть само понятие, которое налично есть и представляется сознанию как пустое созерцание; в силу этого дух необходимо является во времени, и является до тех пор во времени, пока не постигает свое чистое понятие, т.е. пока не уничтожает время*» [3, с. 429]. Гегелевская философия выражает такое исчезновение времени посредством обоснования философии как науки в смысле абсолютного знания. «...только наука есть истинное знание духа о себе самом» [Там же, с. 430].

Ведущий вопрос философии, сформулированный еще Аристотелем, не может оставаться в установленной им форме, выражающей метафизическую позицию античной мысли. Следовательно, он так же не может утверждаться и на том основании, которое обеспечивалось проблематикой гегелевской философии, связанной с пониманием бытия как сознания. Подлинная мысль всегда имеет возвратный характер. Истомясь в перипетиях современной реальности, возвращаясь к своим истокам, она получает необходимую ей энергичность и новые возможности для своего развертывания [7, с. 7].

Философия не может найти свой обратный путь к истокам, возвратный путь к своим фундаментальным проблемам, если она постигается по модели строгой научности и в терминах обоснования современных наук и современного знания. Но когда мы говорим, что философия не является наукой в ее современном смысле, то речь не идет о какой-либо негативности, о провозглашении любых мнений о мире, причем о каком угодно мире; речь не идет об иррационализме или фанатизме. Современная форма научности в том заключается, что во всякой строгой концептуальности каждая подлинная проблема редуцируется к уровню простой техники и вообще схематики. Важно только то, чтобы схематика была более или менее действенной или хотя бы убедительной.

Вопрос о научном статусе философии не может быть решен посредством тех или иных методологических либо мировоззренческих критериев. Такое решение может быть сделано, только исходя из актуального содержания и внутренней необходимости первой и окончательной проблемы философии, которая намечается в вопросе о бытии. Вместо этого мы говорим, что философия всегда призвана быть свободной ради той задачи, с которой она постоянно сталкивается, чтобы сохранять свою подлинную историю и тем самым быть тем, что она есть. Не столько родство с научным или ненаучным знанием могло бы конституировать суть и фундаментальный смысл того, что называется философией, сколько необходимая связь с таким делом мысли, которое остается тем же самым, начиная с Гераклита и Парменида вплоть до Канта и Гегеля.

Кант, по сути дела, пишет «Науку критики чистого разума», выясняя условия возможности человеческого опыта научного познания; причем наука уже квалифицируется в своем мировоззренческом и идеологическом статусе. Гегель разъясняет свой замысел создания «Системы науки», в качестве первой ее части мыслит «Науку феноменологии духа» [11, с. 16]. Но, несмотря на то, что второй части так и не появилось, вышедшая вслед «Наука логики» является фундаментальным дополнением «Феноменологии» и вместе с ней образует систему науки в ее действительности.

Обратимся в этой связи к «Феноменологии духа» как «науке об опыте сознания», которая и есть сама наука, согласно Гегелю. Речь идет об опыте освобождения сознания от какой-либо зависимости от вещей как таковых. Это есть опыт, претерпеваемый сознанием, проходящим через свои собственные исторические формообразования на пути к достижению абсолютного самосознания. Как пишет Рудольф Гайм, «феноменология в то же время должна служить средством воспитания сознания до философского» [2, с. 200]. Философия как наука предполагает абсолютное познание. Стремление к абсолютному само-познанию образует фундаментальное стремление новоевропейского субъекта, которое не потеряло своей актуальности и по сей день. Бытие познающего субъекта и есть бытие как сознание, ибо конституируется и получает свою экспликацию в метафизическом горизонте, связанном с пониманием бытия как сознания. Сознание осуществляет себя в практическом действии и становится знанием себя как воли, то есть изначально волевым процессом в своей претензии быть ничем не обусловленным знанием. «Сущность философии как науки проистекает уже из абсолютно независимого самосознания действительно познающего субъекта» [8, с. 386]. Остановимся на этом процессе более подробно.

Наука об опыте сознания Гегеля эксплицирует науку как путь ее движения и становления, раскрывая его содержание в опыте, который сознание совершает само собой и на себя. Гегель об этом пишет так: «...этот путь к науке сам уже есть наука, и тем самым по своему содержанию – наука об опыте сознания» [3, с. 50]. Это путь, которым проходит сознание, претерпевая последовательность своих формообразований (в смысле непрерывно освобождающегося сознания) в его стремлении быть абсолютным знанием. И это есть: «...подробная история образования самого сознания до уровня науки» [Там же, с. 44].

Говорится, что познание есть просто относительное, когда здесь есть все же нечто еще, о чем это познание ничего не знает. Относительное познание, не будучи сознанием своей собственной относительности, которое не знает всего того, что здесь еще необходимо знать, – такое познание могло бы быть относительным только количественно. Соответственно, идея абсолютного познания могла бы иметь также лишь количественное измерение, поскольку она могла бы означать познание всего того, что здесь необходимо знать. Но для Гегеля абсолютное и относительное познание призвано иметь качественный характер. Мы можем

знать все касательно тех или иных вещей, но качество нашего знания может оставаться сугубо относительным. Что тогда есть относительное, если оно означает «как», то есть характер и способ познания?

Скажем, если мы мыслим сущее в целом, полагая его как сотворенное Богом, который ведь так же существует, то тогда познаваемая нами тотальность всего сущего могла бы быть все еще познаваемой только относительно. Такое относительное познание могло бы быть поглощено тем, посредством чего оно осуществляется. Такое познание Гегель называет «сознанием». Есть ли здесь возможность качественно иного познания? Другими словами, позволяет ли качество относительного познания как такового нечто качественно иное, чем просто относительное познание? Быть качественно иным, чем относительное познание, быть чем-то другим, чем то знание, которое соотносится с познаваемым и тем самым с ним связывается, означает для познания не быть ничем связанным, быть свободным от всего для него внешнего и, будучи таким образом абсолютным, все же быть познанием. Гегель пишет так: «Двигаясь к своему истинному существованию, сознание достигнет пункта, когда оно откажется от своей иллюзии, будто оно обременено чем-то чужеродным, которое есть только для него и в качестве некоторого иного, т.е. пункта, где явление становится равным сущности, и тем самым изображение сознания совпадает именно с этим пунктом – с подлинной наукой о духе; и, наконец, само постигнув эту свою сущность, сознание выразит природу самого абсолютного знания» [Там же, с. 50].

Быть свободным от того, что познается, не означает его «оставление», но сохранение его и даже возвышение. Такое возвышение и есть освобождение, которое само себя знает. Познаваемое тем самым изменяется. Такое освобождение предполагает привязанность относительного знания. Освобождение, которое есть сознание себя, должно быть прежде всего относительным познанием. Возможность освобождать так называемое относительное познание дается нашей способности осознавать это.

В природе относительного познания лежит возможность такого освобождения. И это есть один из наиболее решающих вопросов Гегеля в его столкновении с философией своего времени и прежде всего с Кантом, а именно: действительно ли в относительном познании имеет место освобождение от вещей и есть ли относительное познание все еще сознание или даже само-сознание? Не есть ли познание, которое знает о своем освобождении, все еще относительное познание, связанное теперь, конечно, не просто с познаваемым, но с сознанием как познанием? Какова сущность знания, которое освобождает себя от сознания? Если освобождается само-сознание, то оно все еще есть относительное, а не абсолютное знание. То, что познается через такое освобождение, есть также то, что само познание есть способ знания, есть знание себя и само-сознание.

Одной из формулировок основной проблемы «Критики чистого разума» И. Канта является вопрос о возможности опыта познания истины. Здесь опыт означает тотальность теоретического познания всего налично сущего или природы. В этом смысле естественные науки даже сегодня называются экспериментальными науками. Это и есть такой род опыта, который в терминах его сущности есть предмет и тема философского познания. Вот почему «Критика чистого разума» могла приниматься как наука и теория опыта, выясняющая проблему: что есть опыт. И если Гегель характеризует «Феноменологию духа» как науку об опыте сознания, то опыт берется не в кантовском смысле, а феноменология как наука не означает постижения опыта. Что означает опыт для Гегеля? Имеется ли вообще какая-либо связь между понятием опыта Канта и его проблемой и понятием опыта Гегеля? Если мы даем негативный ответ, то откуда Гегель получает собственное понятие опыта?

Важно понять, каким образом мы вообще можем мыслить опыт. Например, мы говорим: я узнал или испытал сам, что случилось то или это. Это означает, что я не просто слышал об этом кое-что или от кого-то. «Узнал» или «испытал» (erfahren) означает: отыскать, установить, как те или иные вещи есть. «Испытывать» означает: преследовать определенным способом и видеть само дело; может ли быть подтверждено то, что говорится или полагается. Это означает: позволять мнению быть подтверждаемым самим делом. Испытание есть познание, которое подтверждается непосредственным обращением к вещам. Такого рода знание делает индивидуума опытным человеком. Коль скоро он проходит испытания, то он тем самым может считаться, например, опытным искусствоведом. Говорить о ком-либо, что он является опытным, значит говорить о нем, что он знает то, что он делает, и видит то, как должен идти ход вещей в надлежащем направлении, то есть процесс.

Суть не в том, чтобы выписывать и разъяснять различные значения термина «опыт». Важно выяснить понимание опыта Гегелем. Он не использует указанные выше значения. В первой группе значений опыт означает непосредственную демонстрацию мнения или познание посредством обращения к вещам как таковым. «Обычный опыт направлен на сущее» [12, с. 214]. Вторая группа значений имеет в виду процесс претерпевания опыта, в ходе которого само дело будет подтверждаться. Испытание означает здесь проверку самого дела в том или ином контексте, причем ради того контекста, которому оно принадлежит. Такие выражения, как «подвергать испытанию чем-либо», «становиться более зрелым и обогащенным, благодаря определенным опытам» и т.д., всегда имеют два смысла. Первый связан с разочарованием и изумлением, поскольку вещи оказались совершенно иными, чем то, как они ранее испытывались. Второй связан с теми значениями, которые предлагают дополнительное узнавание чего-либо нового. Отметим кратко различие между этими двумя понятиями опыта: 1. Эксперимент в смысле демонстрации доказательства концепции о чем-либо при непременном обращении в конечном счете к чувственному восприятию изучаемых явлений. 2. Претерпевание опыта в смысле позволения самому делу продемонстрировать себя и тем самым подвергаться испытанию относительно того, как оно подлинно есть по истине [15, р. 24-26]. Согласно первой группе значений, мы говорим о науках, которые опираются на опыт, как «экспериментальных» науках. Такое понятие опыта изменяется в зависимости от того, постигаем ли мы демонстрирующую интуицию в узком или широком смысле. Если мы не ограничиваем ее чувственными явлениями, но постигаем ее как способ подтверждения тех или иных концепций, тогда возникает понятие интуиции сущностей. Такая интуиция требуется, например, при определении

структурного отношения субъекта и предиката в суждении: отношения, которое не может быть зримым или слышимым посредством органов чувств. Мы вынуждены сделать такое отношение достоверным ради выяснения того, что оно есть само по себе. Нам необходимо сделать «очевидной» его сущность, причем такой, какой она проистекает из самого этого отношения. Интуиция, которая доставляет нам сущность в первом смысле, есть феноменологическая интуиция. Такая интуиция претендует на свое подтверждение в терминах самих вещей, то есть как они есть сами по себе. Вот почему феноменологическая интуиция может называться также опытом. В этом фундаментальном смысле М. Шелер говорил о «феноменологическом опыте» в своих ранних работах. И затем Э. Гуссерль тоже принял такое понимание опыта, утверждая, что феноменология есть строгий эмпиризм и самый что ни на есть подлинный позитивизм в изначальном смысле этого слова.

Гегелевское понятие опыта, как оно выступает в заглавии его «Феноменологии духа», идет в ином направлении, чем современное феноменологическое понятие опыта. Он не акцентирует понимание опыта на том значении, которое требует подтверждения интуицией. Его «Наука об опыте сознания» не имеет ничего общего с «экспериментальными» науками. Своим выражением «наука об опыте» Гегель вовсе не подчеркивает то обстоятельство, что эта наука могла бы быть подтверждаемой и доказуемой в опыте, с помощью чувственной или интеллектуальной интуиции. Гегелевское понятие опыта движется в ином направлении, а именно: опыт понимается как претерпевание в негативном и позитивном плане чего бы то ни было; как испытание этого в плане отсутствия того, чем оно, сначала, казалось бы, предназначалось быть, но оказалось совершенно иным. Но то, что демонстрирует себя иным, это не может быть отброшено. Как раз являемость таким или иным образом принадлежит к тому, что опытом обогащается; то есть все то, что пришлось испытать, делает опыт более плодотворным и богатым.

Такой способ претерпевания опыта для Гегеля, конечно, не относится к средствам, событиям или людям. К чему тогда это относится? Ответ дается в самом заглавии: «Феноменология как наука об опыте сознания». Если речь идет об опыте, причем об опыте сознания, то можно ли говорить, что сознание есть объект экспериментирования или испытания? «Опыт сознания» не означает опыт в сознании и относительно сознания. Это выражение, скорее всего, допускает, что есть само сознание, которое претерпевает свои собственные опыты. Сознание, говорит Гегель, «постигается в самом опыте». «Это диалектическое движение, совершаемое сознанием в самом себе как в отношении своего знания, так и в отношении своего предмета – *поскольку для него возникает из этого новый истинный предмет*, есть, собственно говоря, то, что называется *опытом*» [3, с. 48].

Если же мы спрашиваем, в чем именно сознание претерпевает свои опыты или именно с чем оно призвано претерпевать свои опыты, то ответ таков: в себе и с самим собой. М. Хайдеггер отмечает: «Самое важное для Гегеля: непосредственное сознание и абсолютное познание себя» [14, S. 183].

Опыт сознания поэтому есть опыт себя, через который проходит сознание. Какого рода опыт призвано претерпевать с собой сознание? Мы уже отмечали основные черты такого опыта. Сознание изначально есть относительное знание в той мере, в какой оно ничего о себе не знает, то есть о том, что оно есть. Сознание знает только о своем собственном объекте и то лишь постольку, поскольку объект присутствует в сознании. Сказать «бытие-для-сознания» – значит сказать «бытие, подлежащее познанию». В той степени, в какой сознание есть знание себя как познавание, которое позволяет объекту быть как противостояние сознанию, в этой же самой степени объект теряет свой характер в-себе и становится чем-то еще, то есть превращается для сознания в знание. Само знание становится чем-то иным, чем оно было прежде, когда сознание растворялось в познании объекта. Когда сознание претерпевает свой опыт себя через познание объекта, то есть претерпевает опыт в терминах объекта, тогда сознание испытывает то обстоятельство, что оно становится чем-то другим для себя. Сознание проверяет себя, что оно реально есть в непосредственном познании объекта. И в этой проверке оно теряет свою первоначальную истину, то есть то, что оно сначала мыслило о себе. При этом сознание обогащается опытом и обретает новый объект. Поскольку сознание и его знание есть единственный объект опыта, постольку сознание обогащается благодаря знанию своего знания, то есть знанию того, что есть знание в опыте самого сознания. Через этот опыт знание в диалектически возрастающей степени раскрывает и освобождает путь к себе, к своей самой сокровенной сущности. «Только через это осуществляется “полная свобода”» [5, с. 264].

Через этот опыт, который сознание претерпевает с собой, оно становится другим по отношению к себе, и это как раз есть движение-к-себе. Слова самого Гегеля: «Это-то движение и называется опытом – движение, в котором, непосредственное, не прошедшее через опыт, т.е. абстрактное, – относится ли оно к чувственному бытию или к лишь мысленному простому, – отчуждает себя, а затем из этого отчуждения возвращается в себя, тем самым только теперь проявляется в своей действительности и истине, составляя также достояние сознания» [3, с. 19]. Гегель называет опыт «движением» и говорит, что сознание, претерпевая этот опыт, совершает движение в самом себе. Но этот опыт сознания возможен только тогда, когда само сознание есть предмет опыта, когда оно становится предметным. Сознание испытывает себя, призванное претерпевать опыт с собой и тем самым неизбежность этого процесса. «Опыт есть процесс, в котором сознание благодаря непрерывному диалогу с собой собирает себя в своей истинной природе» [9, с. 207].

Феноменологическая система имеет своеобразное место во всей философии Гегеля; она принадлежит ее внутренней форме. И это потому так, что «Феноменология духа» подготавливает не только основание, но и сферу простирающуюся для «энциклопедической системы». И тот факт, что феноменология исчезает из энциклопедической как фундаментальная ее часть, не есть недостаток этой системы, но выдвигание нового и единственного ее начала, в качестве которого выступает логика.

И потому это так, что система абсолютного знания, если она понимает себя правильно, должна иметь абсолютное начало. Феноменология была призвана подготовить сферу для возможного абсолютного начала.

Исключение феноменологии из энциклопедической системы подчеркивает необходимую связь с этой системой. Отсюда двойственное положение ее в энциклопедической системе: на определенном этапе феноменология есть основывающаяся часть системы, а затем она становится компонентом системы, как бы извне к ней присоединяемым. Это двойственное положение феноменологии есть результат и исход окончательной системы.

Подводя итог сказанному, отметим.

«Феноменологии духа» Гегеля эксплицирует метафизику абсолютного знания, заключающую в себе смысл абсолютно разумной воли. Кант, говоря о природе опыта научного познания, подчеркивал прежде всего границы этого процесса, отмеряемые человеческой природой. Критикуя чистый (научный) разум, он предупреждал о последствиях для человека его необоснованных претензий на квазибожественную мощь, которая открывается в перспективах научного познания, связанного с развитием и прогрессом наук. Разум не должен быть безрассудным и бесчувственным. Ключевая перспектива «Системы науки» Гегеля заключалась как раз в преодолении всего конечного, в отсутствии границ и зависимости от всего внешнего, в конституировании абсолютного смысла, обнаруживающего свое место в абсолютном субъекте, наделенного волей к совершенной свободе. В таком случае «трагедия, вечно разыгрываемая Абсолютным с самим собой», по выражению Юргена Хабермаса, приносящим себя в жертву, по сути дела выходит уже за его пределы [10, с. 43].

Такого рода метафизика во многом и по сей день питает современную научную культуру человека в его стремлении к бесконечному самоутверждению и самореализации. Основные принципы гегелевской философии с ее стремлением к бесконечному, абсолютному измерению, имеющему смысл абсолютно разумной воли, оказываются мощными импульсами современной антропоцентрической свободы. Человек все более идентифицирует свою форму с какими-то механизмами, делая техническую среду пребывания наиболее адаптивным («естественным») местом своего пребывания. И наука становится эффективным инструментом для конституирования человека в собственной техноморфной идентичности. Однако важно помнить, что наши размышления о человеческом бытии (именно человеческом) всегда сопряжены с временем, историей, разумом, телесностью, со всем тем, что конституирует сущность нашей природы. И сколько бы мы ни пытались ориентировать свой ум на преодоление границ собственной конечности (виртуальная реальность), будь то любая сфера нашей деятельности, мы должны понимать, что такого рода преодоление оборачивается всегда разрушением человеческого мира, коль мы призваны жить именно в нем. И наука должна быть средством сохранения, а не отчуждения человека от самого себя.

Список источников

1. **Аристотель.** Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 63-367.
2. **Гайм Р.** Гегель и его время / пер. с нем. П. Л. Соляникова. СПб.: Наука, 2006. 392 с.
3. **Гегель Г. В. Ф.** Система наук. Часть первая. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. 443 с.
4. **Гуссерль Э.** Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Избранные работы / сост. В. В. Анашвили и др. М.: Территория будущего, 2005. С. 185-240.
5. **Ильин И. А.** Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2-х т. СПб.: Наука, 1994. Т. 2. 541 с.
6. **Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков** / под ред. Г. Л. Тульчинского и М. С. Уварова; Международная кафедра ЮНЕСКО по философии и этике Санкт-Петербургского научно-го центра Российской академии наук. СПб.: Алетейя, 2001. 409 с.
7. **Сергеев К. А.** Ренессансные основания антропоцентризма / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. 259 с.
8. **Сергеев К. А., Слинин Я. А.** «Феноменология духа» Гегеля как наука об опыте сознания // Очерки истории классического немецкого идеализма / отв. ред. Ю. В. Перов. СПб.: Наука, 2000. С. 342-388.
9. **Торубарова Т. В.** О сущности человеческой свободы в немецком классическом идеализме. СПб.: Наука, 1999. 259 с.
10. **Хабермас Ю.** Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М.: Практика, 2007. 208 с.
11. **Хайдеггер М.** Гегелева «Феноменология духа» / пер. с нем. А. П. Шурбелёва. СПб.: Владимир Даль, 2019. 285 с.
12. **Хайдеггер М.** Гегель. 1. Негативность. Разбирательство с Гегелем в ракурсе вопроса о негативности (1938-1939, 1941). 2. «Введение» в «Феноменологию духа» (1942) / пер. с нем. А. П. Шурбелёва. СПб.: Владимир Даль, 2015. 319 с.
13. **Gadamer H. G.** Die Idee der Hegelschen Logik // Gadamer H. G. Hegels Dialektik. Tübingen, 1971. S. 49-70.
14. **Heidegger M.** Die Metaphysik des deutschen Idealismus (Schelling). Frankfurt am Main, 1991. 209 S.
15. **Heidegger M.** Hegel's concept of experience. N. Y.: Octagon Books, 1983. 155 p.

Philosophy as Science of Consciousness (G. W. F. Hegel)

Torubarova Tat'yana Viktorovna, Doctor in Philosophy, Professor
Kursk State University
torubarova@rambler.ru

The article considers interpretation of philosophy as science of consciousness in Hegel's metaphysics. In this connection, the paper discusses the problem of the scientific status of philosophy. It is shown that Hegel's metaphysical approach to philosophical science is associated with the metaphysical conception, which considers existence as consciousness. The key principles determining understanding of philosophy as science of consciousness are revealed. The conducted analysis shows that absolute knowledge principle forms the basis of Hegel's theoretical studies on the notion of science and plays a key role in constituting a human being as an absolute subject of his actions.

Key words and phrases: absolute knowledge; science; existence; metaphysics; logic; experience of consciousness; freedom; system; subject; truth; spirit.